

Н. Н. Морозова
Нижний Новгород, Россия

БЕЗОПАСНОСТЬ КАК РЕЧЕВОЙ АКТ И ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА: К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

АННОТАЦИЯ. *Предпринимается попытка переосмысления понятия «безопасность» с позиций теории речевых актов и теории дискурс-анализа. Теория постструктуралистского дискурс-анализа позволяет критически переосмыслить безопасность и концептуализировать ее как дискурсивную практику, которая утверждает и конституирует то политическое сообщество, от имени которого она артикулируется. Именно включение «плавающего» означающего «безопасность» позволяет «замкнуть» цепочку ключевых смыслов и актуализировать базовые, составляющие основу политической идентичности ценности через проведение границы между «внутренним» миром и «внешним» пространством хаоса и угроз. В то же время, как показывает проведенный анализ предвыборного дискурса российских политических партий, успешная секьюритизация общественно значимых ценностей имеет место в ситуации гегемонии, когда границы между «я» и «чужой» не зафиксированы полностью и не исключают наличия «плавающих» означающих, которые необходимо вписать в цепочки эквивалентности и наполнить смыслом. Таким образом, в рамках постструктуралистской теории дискурс-анализа ставится вопрос об ответственности субъекта — секьюритизирующего актора — за выбор смыслов, то есть за то, будет ли дискурс двигаться в сторону большей агрессивности или большей толерантности. Рассматривается текстуальное понимание секьюритизации (социально продуктивный речевой акт, который наделяет политиков легитимностью и правом принимать срочные меры по нейтрализации экзистенциальных угроз в обход или нарушение существующих правил и процедур) и контекстуальное (учет специфики предполагаемой угрозы).*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *безопасность; речевой акт; дискурсивная практика; дискурс-анализ; политическая идентичность; толерантность.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Морозова Наталия Николаевна, доцент, кафедра прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12; e-mail: nmmorozova@hse.ru.*

Одним из наиболее интересных и продуктивных направлений междисциплинарных исследований на стыке лингвистики и политологии в последнее время стало применение теории речевых актов и теории дискурс-анализа для реконцептуализации одного из ключевых понятий международных отношений — безопасности. Обращение к концептуальным наработкам лингвистики стало возможным прежде всего благодаря внутренним дебатам в самой дисциплине международных отношений, а именно вследствие растущего недовольства ряда исследователей-международников теми эпистемологическими и метатеоретическими последствиями, к которым привела гегемония государствоцентричной парадигмы. Неслучайно востребованными у критиков последней оказались те лингвистические теории, которые помещали традиционную проблематику выживания государств в условиях анархии в более широкий социальный контекст, позволяя рассмотреть отношение между лингвистическим и социальным, между словом и действием. В результате применения теории речевых актов и теории дискурс-анализа к концептуально-понятийному «языку» международных отношений была переосмыслена и концепция безопасности. Из понятия, описывающего поведение государств, безопасность превратилась в лингвистическую репрезентацию, в определенный языковой выбор автора теоретического и политического текста.

Концептуальные и нормативные основания переосмысления понятия «безопасность» в 1990-е гг.

В международных отношениях безопасность традиционно понималась как объективное отсутствие материальных, прежде всего военных, угроз государственному суверенитету. В результате проблематика изучения безопасности сводилась преимущественно к выявлению условий ее достижения, а не к разработке самого понятия «безопасность» и вычленению общих концептуальных оснований разных трактовок безопасности. Концептуальный анализ безопасности в политологии и международных отношениях начался с работы Дэвида Болдвина, который определил безопасность как «низкую вероятность ущерба приобретенным ценностям» [Baldwin 1997: 13]. Преимущество такой формулировки заключается в концептуализации безопасности не как состояния — состояния отсутствия угроз, — а как цели политической деятельности, направленной на сохранение значимых ценностей. Два важных дополнительных уточнения: безопасность для кого? — и безопасность каких ценностей? — выводят на первый план ценностный, морально-политический аспект понятия «безопасность», делая этот элемент критерием для сравнения различных теоретических и практических концепций безопасности.

Действительно, 1990-е гг. ознаменовались появлением новых вызовов безопасности: международный терроризм, наркотра-

фик, неконтролируемые миграционные потоки, глобальное потепление, истощение природных ресурсов, нехватка продовольствия, эпидемии и др. Дисциплине международных отношений, не сумевшей предсказать окончание холодной войны и распад биполярной системы, пришлось срочно адаптировать свой понятийный аппарат к процессам, явившимся следствием этого распада [Buzan and Hansen 2009: 187]. В результате индивид, общество и международная система встали в один ряд с государством в качестве полноправных объектов политики в области безопасности на нормативном и концептуальном уровне. Такая «расширительная» проблематика характерна для новых, появившихся в 1990-е гг. концептуализаций безопасности: «безопасность человека», «гендерная безопасность», «общественная безопасность», «общая безопасность» [Buzan and Hansen: 136—141]. В то же время политическая независимость и территориальная целостность как ключевые ценности ориентиров в рамках традиционной «жесткой», т. е. военной безопасности, уступили место экономическому благосостоянию, благоприятной экологической обстановке, культурной идентичности, что отразилось в появлении таких концептов, как «экологическая безопасность», «экономическая безопасность», «продуктовая безопасность», «энергетическая безопасность», «общественная безопасность» и т. д.

Таким образом, расширение проблематики безопасности — утверждение в качестве моральных агентов человека и социума наряду с государством и, как следствие, утверждение прав и качества жизни человека наряду с физическим выживанием в качестве важнейших приобретенных ценностей — было частью общего критического переосмысления исследователями-международниками преобладающей государствоцентричной парадигмы на уровне практической политики. Но для успеха такой практической, нормативной критики она должна была стать «сквозной» и затронуть также более глубокие — теоретический и метатеоретический — уровни.

На метатеоретическом уровне недовольство критически настроенных ученых-международников вызывал тот факт, что важнейшие морально-этические проблемы — достижение прогресса, достойной жизни, справедливости — оказались буквально «немыслимы» в рамках государствоцентричной парадигмы. Действительно, требования стройности, простоты и научности теории сводили нормативную проблематику в международных отношениях к проблеме

выживания государства, поскольку именно такая поведенческая установка и реализующая ее стратегия баланса сил напрямую вытекали из первопричины всей международной политики — анархии. Таким образом, традиционно понимаемая теория международных отношений могла быть только «теорией разрешения проблем», возникших в рамках преобладающих властных отношений и нарушающих слаженную работу существующих политических институтов [Cox 1986: 208]. Те же исследователи, которые не хотели довольствоваться ролью системных администраторов межгосударственных отношений, заявили о необходимости разработки «критической теории», т. е. такой теории, которая занимает позицию внешнюю по отношению к сложившейся системе институтов и задается вопросом «как?» — как она возникла. Такой пересмотр общепринятого метатеоретического представления о функциях и назначении теории требовал отказа от существенной, эссенциалистской трактовки понятия «национальное государство» на теоретическом уровне. Это сделало критически настроенных исследователей-международников особенно восприимчивыми к достижениям постструктурализма и результатам лингвистического поворота в социальных науках.

Так, в русле постструктуралистской теории исследователи попытались денатурализовать понятие национального государства таким образом, чтобы из самоочевидного оно превратилось в «странное» [Gregory 1989: XIV]. Такая постановка исследовательской цели напрямую вытекала из одного из важнейших положений постструктурализма, согласно которому материальные объекты и структуры обретают свою материальность и объективный онтологический статус только через репрезентацию в дискурсе [Laclau and Mouffe: 208]. В частности, критике подверглись общепринятые способы репрезентации знания — идеализм, реализм и неореализм, — которые утверждали национальное государство в качестве исходного и дотеоретического, т. е. фактического основания любой теории. В результате внимание исследователей переместилось с фактов международной реальности на смыслообразующий исторический, лингвистический и научный контекст, институализирующий определенные события и интерпретации в качестве фактов. В свою очередь, такая проблематизация объективности стала возможна благодаря лингвистическому повороту в социальной теории, т. е. повороту от реальности к текстуальности: «...текстуализация анализа означает признание, прежде всего,

того, что любая „реальность“ опосредована способом репрезентации и, во-вторых, что репрезентации представляют собой не описания мира фактов, а способы производства этих фактов» [Shapiro 1989: 13—14].

После лингвистического поворота любое социальное действие воспринимается одновременно и как действие лингвистическое, поскольку субъекты — индивидуальные и коллективные — должны быть «озвучены» для своего конституирования в качестве таковых, а объективная реальность «проговорена» для своего воспроизводства или трансформации. И наоборот, язык становится «онтологически значимым» [Hansen 2006: 16]: из набора ярлыков для описания объективной реальности он превращается в способ производства, конструирования и объективации этой реальности, т. е. в дискурс. С этой точки зрения государствоцентричная парадигма в теории международных отношений может быть представлена как дискурс, утверждающий объективность и материальность деления политики на «внутреннюю» и «внешнюю»: есть «внутренний» мир, где царят порядок, право и безопасность, поддерживаемые суверенным государством, и есть «внешний» мир, в котором отсутствие верховной власти порождает хаос, беззаконие и страх [Морозов 2009: 11, 209]. Согласно классической формулировке, принадлежащей Томасу Гоббсу, именно обеспечение внутреннего порядка и безопасности подданных составляет смысл существования государства и главный источник его легитимности. Поэтому критика естественного, самоочевидного онтологического статуса государства, озвученная исследователями-международниками в 1990-х гг., предполагала прежде всего реконцептуализацию понятия «безопасность».

Безопасность как речевой акт

Представители так называемой копенгагенской школы Оле Вэвер и Барри Бузан в своих работах пересматривают многие аспекты традиционной, государствоцентричной трактовки концепции безопасности. Объектом исследования больше не является безопасность как объективное отсутствие материальных, осязаемых угроз государственному суверенитету, поскольку на повестку дня все чаще встает общественная безопасность, отличная от государственной. Размышляя над активизировавшимися в начале 1990-х гг. процессами интеграции на Европейском континенте и процессами дезинтеграции в странах бывшего Восточного блока, Вэвер выделяет ряд политических и социальных процессов — глобализация, культурный империализм, миграционные

потоки, европеизация — которые могут представлять угрозу «общественной безопасности», т. е. «способности общества сохранять свои существенные черты несмотря на меняющиеся условия и возможные или существующие угрозы» [Buzan and Hansen 2009: 82—84]. В условиях глобализации и интеграции, когда границы общества и государства больше не совпадают, а национальное законодательство и пограничный контроль уходят в прошлое, укрепление собственного культурного своеобразия станет эквивалентом безопасности и произойдет во многом за счет артикуляции самими социальными группами необходимости защиты своей «общественной» безопасности.

Таким образом, с позиций копенгагенской школы имеется гораздо больше оснований говорить об укорененной в дискурсе самих акторов *общественной* безопасности, нежели о других расширительных трактовках, представляющих из себя исключительно теоретические конструкты. В результате «безопасность» концептуализируется в русле лингвистического поворота не как объективное состояние отсутствия угроз, а как речевой акт, посредством которого определенные акторы, процессы и события конституируются в качестве экзистенциальной угрозы для привилегированного референта, а именно государства или социальной группы/общества [Wæver 2007: 49]. Вэвер утверждает, что «безопасность» функционирует не как знак, который отсылает к референту, а как действие через высказывание по аналогии с заключением пари, дачей обещания или именованьем корабля [Wæver 2007: 73]. Очевидно, что здесь Вэвер опирается на теорию речевых актов Дж. Остина, который, как известно, выделил особый тип перформативных высказываний, т. е. таких высказываний, которые, будучи грамматическими утверждениями, не описывают действительность и не утверждают никаких фактов [Остин 1986: 25—26]. Произнесение такого высказывания является одновременно и осуществлением определенного действия. Остин предлагает называть «иллокутивными» акты авторского целеполагания и смыслонаполнения, которые осуществляются в ходе говорения в противоположность действию самого говорения. В то же время высказывание может осуществлять «перлокутивный» акт, если оно оказывает рассчитанный, намеренный, целенаправленный воздействующий эффект на чувства, мысли или действия аудитории [Остин 1986: 87—88].

Что же представляет из себя безопасность как речевой акт с точки зрения иллокуции и перлокуции? Не подпадая под кате-

горию «истинности/ложности», иллокутивный акт тем не менее может потерпеть неудачу, если нарушается конвенциональная процедура, в соответствии с которой он должен быть осуществлен. Важной составляющей такой конвенциональной процедуры является произнесение определенной перформативной формулы конкретным лицом, пригодным, т. е. уполномоченным для проведения данной процедуры. Более того, такой осуществленный согласно конвенциональной процедуре акт будет все же считаться неудачным, если цель осуществления этого акта не подкрепляется соответствующим намерением [Остин 1986: 32—33]. Так, с точки зрения цели безопасность как речевой акт может быть охарактеризована как *заявление* о том, что некий актер, процесс или событие представляет собой угрозу выживанию общества или государства. С точки зрения психологического состояния секьюритизация представляет собой *убеждение* и является условием искренности иллокутивного акта [Серль 1986]. При этом Остин отмечал, что понятие цели не должно приводить к выводу о том, что каждый иллокутивный акт обладает некоторым перлокутивным намерением. А Серль утверждал, что вопрос о совершении акта доказательства не затрагивает вопрос о том, происходит ли при этом процесс убеждения кого-то или нет. Из этого следует, что перлокутивный аспект «совершения действия» не связан напрямую с перформативностью [Остин 1986: 93]. Иными словами, условия успешности иллокуции не тождественны условиям успешности перлокуции.

Однако среди представителей копенгагенской школы закрепилось представление о том, что акт секьюритизации именно *как высказывание* создает новые смыслы и запускает определенную социальную динамику. Утверждается, в частности, что успешная репрезентация отдельных событий и процессов в качестве угроз выживанию государства или общества переводит вопрос из разряда политизированных, т. е. относящихся к публичной политике и требующих правительственных мер и бюджетных отчислений, в разряд секьюритизированных, т. е. таких, которые требуют не обсуждения, а безотлагательных действий, зачастую нарушающих действующее законодательство и социальные нормы [Buzan et al 1998: 23]. Секьюритизация понимается таким образом как процесс, посредством которого в политическом сообществе создается intersubjective понимание необходимости нарушения действующих законов и принятия исключительных мер по борьбе с существующей угрозой

[Buzan and Wæver 2003: 491]. Однако представители копенгагенской школы оставляют вне рамок своего исследования вопрос об успешности перлокуции, т. е. о том, как секьюритизация становится intersubjective, реструктурируя социальные отношения.

Действительно, как отмечают исследователи, теория секьюритизации пока не дает однозначный ответ на этот вопрос, поскольку тяготеет к двум независимым и во многом полярным точкам зрения [Stritzel 2007: 359]. С одной стороны, существует «текстуальное» понимание секьюритизации как социально продуктивного речевого акта, который наделяет политиков легитимностью и правом принимать срочные меры по нейтрализации экзистенциальных угроз в обход или нарушение существующих правил и процедур. В то же время в работах теоретиков секьюритизации прослеживается и другая, «контекстуальная» ее трактовка, на основе выделения факторов, способствующих секьюритизации [Buzan, Wæver and de Wilde 1998: 33]. Наряду с наличием у высказывания специфических атрибутов, позволяющих определить его как практику секьюритизации, на успешность последней влияет также специфика предполагаемой угрозы, поскольку одни ситуации гораздо проще представить в качестве источника угроз, чем другие. Наконец, авторитетная позиция агента секьюритизации в глазах аудитории способствует принятию и закреплению предложенных репрезентаций угроз на уровне повседневной политики.

Однако, как отмечают критики теории секьюритизации, для того, чтобы «текстуальная» и «контекстуальная» трактовки секьюритизации не вступали в противоречие, требуется переосмысление секьюритизации: под ней следует понимать не единственный речевой акт, приписывающий реальности один и тот же фиксированный смысл, а процесс производства смысла, глубоко укорененный в дискурсивном контексте, который и превращает индивидуальную позицию в коллективный доминирующий нарратив [Stritzel 2007: 369]. Большинство критических замечаний вызвало допущение о том, что из всех возможных угроз безопасности люди как участники различных социальных групп безоговорочно выбирают идентичность. Это эмпирическое допущение, в свою очередь, основывается на теоретическом допущении о том, что «общество есть независимая переменная, не подлежащая исследованию социальный факт, чьи ценности и уязвимые стороны существуют объективно по аналогии с государством»

[McSweeney 2007: 124]. Однако как только мы «опустимся» на уровень индивидов и социальных групп, становится очевидно, что идентичность не наличествует как данность априори: она является не исходной причиной незащищенности, а *результатом* дискурсивного политического процесса, посредством которого отдельные социальные группы, общество и государство пытаются представить в качестве «общественной» угрозу своим интересам.

Концептуализация безопасности как дискурсивной практики может быть предложена также не только в качестве теоретического, но и нормативного аргумента. Действительно, объективация и реификация общественной идентичности, принадлежность к которой люди не выбирают, а признают, равнозначна релятивистскому утверждению о том, что обоснованный моральный выбор между различными общественными идентичностями невозможен [McSweeney 2007: 127]. Поэтому, в отличие от лингвистической теории речевых актов, в которой полномочия осуществляющего этот речевой акт лица не становятся предметом общественного обсуждения, легитимность секьюритизирующего актора определяется *ex post factum* на основе общественной поддержки акта секьюритизации. Однако именно дискурсивная концептуализация безопасности позволяет вычленив ключевые означающие и состоящие из них цепочки эквивалентности для того, что эксплицитировать моральный выбор, лежащий в основе той или иной трактовки общественной идентичности.

Безопасность как дискурсивная практика

По сравнению с теорией секьюритизации дискурсивная концептуализация безопасности представляет собой гораздо более фундаментальную попытку пересмотра преобладающей государственноцентричной парадигмы. Угрозы безопасности не просто превращаются из материальных и осязаемых в лингвистически конструируемые, не только наделяют секьюритизирующих акторов чрезвычайными полномочиями и, следовательно, политической субъектностью. С постструктуралистской точки зрения дискурсы о «внешней» опасности конструируют «внутренний» консенсус, а репрезентация «другого» в качестве угрозы задает границы той самой идентичности, от имени которой она артикулируется. Вытеснение «вовне» внутренних противоречий, разногласий и конфликтов, а также исключение определенных акторов, событий и интерпретаций представляет собой необходимое условие возможности «внутреннего» мира, чье достижение и является наивысшей легитимиза-

цией государства. В свою очередь, признание важности политических последствий выбора той или иной репрезентации опасности приводит к проблематизации сущностной, эссенциалистской трактовки понятия «национальное государство»: оно теряет свой естественный, самоочевидный онтологический статус, предшествующий практикам по установлению внутреннего единства и исключению различий. Именно эту проблематику отношений «я — другой» и, как следствие, принципиально незаконченный, не тождественный самому себе статус любого политического сообщества и символизирует введенный постструктуралистами в начале 1990-х гг. термин «идентичность».

Как же происходит конструирование внутренне непротиворечивых идентичностей? Вместо того, чтобы приписывать человеческим сообществам досоциальные, имманентные идентичности, теоретики дискурс-анализа исходят из положения о том, что идентичность не объективна, а дискурсивна, поскольку она не существует независимо от дискурсивных практик, которые мобилизуются в процессе публичной легитимизации внешней политики [Hansen 2006: 5—16]. В рамках постструктурализма, согласно Хансен, процесс конструирования идентичности характеризуется также как политический и реляционный. С одной стороны, фиксация и стабилизация одних идентичностей всегда происходит за счет замалчивания, вытеснения и исключения других, альтернативных нарративов и интерпретаций. С другой стороны, идентичность конструируется как законченная и объективная только по отношению к тому, чем она не является. Другими словами, хотя образ «другого» может реализовываться через различные, в том числе и неантагонистические противопоставления — другой как «союзник», «сосед», «соперник», — дискурс безопасности неизменно актуализирует логику вытеснения, отрицания «другого», способствуя замыканию сообщества и интенсификации антагонистических отношений [Wæver 2007: 81; Морозов 2009: 227].

Каким образом в дискурсе создается устойчивое и стабильное противопоставление между внутренним и внешним, между «я» и «другим»? Ведущие теоретики постструктуралистского дискурс-анализа Э. Лаклау и Ш. Муфф определяют антагонизм как предел объективности, как невозможность моего замыкания в себе, поскольку присутствие «другого» — как в ситуации, когда крестьянин не может быть крестьянином, если помещик выгоняет его с земли, — не позволяет мне быть полностью собой [Laclau and

Mouffe 1985: 125]. Антагонизм возникает как артикуляционная практика, которая пытается стабилизировать смысл и зафиксировать идентичность путем проведения границы системы сигнификации: «вовне» вытесняются альтернативные артикуляционные практики, альтернативные цепочки значимых означающих. В результате отношения различия, внутренние для пространства дискурса, разрушаются, становясь эквивалентными друг другу и порождая «плавающие» означающие [Морозов 2009: 62—63]. Теряя свою фиксированную позицию в реляционной системе дискурса, означающие становятся символами всей социальной целостности, унифицируя ее поле и задавая ее идентичность. Вследствие такого структурного замыкания «я» «другой» лишается всяких позитивных качеств, так что отношения между ними превращаются в чистое отрицание друг друга, в социальный антагонизм.

Таким образом, постструктуралистская теория дискурс-анализа помогает вскрыть дискурсивные механизмы, лежащие в основе социального антагонизма, т. е. радикального противопоставления «я» и «другого». Согласно Лаклау и Муффа, общество стремится к замыканию, к объективному наличию, к самоидентичности, которая характеризует общество как закрытую и внутренне непротиворечивую систему различий. Однако такая самоидентичность недостижима, поскольку она не исключает возможности артикуляционных практик, которые «вырывают» элемент из внутренней системы различий и оппозиций и превращают его в различие, которое не артикулировано в дискурсе, т. е. в «плавающее» означающее [Laclau and Mouffe 1985: 105]. Так, новая фиксация смысла возникает тогда, когда путем артикуляционных практик устанавливаются отношения не синонимии и не тавтологичности, а эквивалентности между некоторым набором «плавающих» означающих: их значения являются эквивалентными и идентичными не в буквальном, а в переносном и символическом смысле, т. е. в контексте их оппозиции «другому». Таким образом, артикуляционные практики находят в отношениях антагонизма, если они представляют собой взаимоисключающие цепочки эквивалентно расположенных «плавающих» означающих.

Однако отношения социального антагонизма не означают полную стабилизацию смысла и фиксацию идентичности, которые исключают возможность политических преобразований. В контексте постструктуралистской теории Лаклау и Муффа политическое действие становится возможным благодаря

нестабильности границ между артикуляционными практиками, когда наличие большого количества «плавающих» означающих требует их подчинения логике эквивалентности и включения в соответствующие смысловые цепочки. Такие гегемонистские артикуляционные практики опираются на наиболее седиментированные смысловые структуры, но при этом не повторяют и не воспроизводят их [Laclau and Mouffe 1985: 83]. Хотя дискурс стремится выстроить гегемонистскую идеологическую завершенность, любая социальная идентичность имеет случайный и парадоксальный характер, поскольку не может исключить присутствие «другого» и достичь полноценного наличия [Torring 2005: 15]. Так, наличие множества «плавающих» означающих и необходимость их фиксации посредством артикуляционных практик предотвращает полное замыкание и реификацию антагонизма, что в конечном итоге делает возможной политику как сферу принятия решений.

Анализируя изменение политики США в отношении Боснийского конфликта и переход от невмешательства к активному участию в его урегулировании, Лене Хансен в своем анализе западного дискурса показывает победу одной гегемонистской артикуляции над другой за счет включения в цепочку эквивалентности «плавающих» означающих с длительной концептуальной историей. Согласно Хансен, успешная секьюритизация конфликта произошла благодаря установлению цепочки эквивалентности между означающими «геноцид» и «Босния» в противоположность другой последовательности, связывающей означающие «агрессия» и «Сербия». По аналогии Оле Вэвер рассуждает о том, как, несмотря на кажущуюся невозможность изменений во внутренней и внешней политике, 1970—1980-е гг. ознаменовали собой процесс разрядки и диалога между Востоком и Западом, который стал возможен во многом благодаря десекуритизации, т. е. неустановлению логики эквивалентности между означающим «угроза» и «права человека» [Wæver 2007: 77].

Исследование Хансен демонстрирует, что безопасность является дискурсивной практикой, которая формирует иерархию общественных приоритетов и потому конституирует то политическое сообщество, от имени которого она артикулируется. Исследование Вэвера акцентирует наше внимание на лингвистической природе политических и социальных изменений. В другом своем исследовании Вэвер также отмечает, что «политикам необходимо уметь представлять убедительный нарратив относительно того,

как нынешние тенденции (и собственная внешнеполитическая ориентация) приближают будущее, благоприятное для реализации привилегированного образа „я“» [Wæver 2002: 26]. Представляется, что данное утверждение справедливо и в отношении необходимости установить четкую и непротиворечивую связь между идентичностью политического сообщества и предлагаемым политическим курсом, особенно в условиях предвыборной политической борьбы. В случае если партия позиционирует себя как оппозиционная официальному политическому курсу, не менее актуальным становится убедительное конституирование последнего в качестве экзистенциальной угрозы политическому сообществу, его целостности и исторической преемственности. Таким образом, в практической части нашего исследования мы попытаемся подтвердить следующую гипотезу: секьюритизация будет успешной тогда, когда «безопасность» станет одним из ключевых означающих дискурса, актуализируя базовые общественные ценности и те угрозы, в защите от которых они нуждаются.

Функционирование означающего «безопасность» в предвыборном дискурсе российских политических партий

В качестве материала для нашего исследования мы воспользуемся текстами программ политических партий, которые участвовали в выборах в городскую думу Нижнего Новгорода 13 сентября 2015 г. Особый интерес представляют программы партий, получивших достаточное количество голосов (более 5 %) для прохождения в городскую думу: «Единая Россия» (40,40 %), «Справедливая Россия» (21,63 %), КПРФ (19,38 %), ЛДПР (6,61 %). Из них мы отобрали программы тех партий, который позиционируют себя как оппозиционные и программы которых содержат критику политического курса партии власти («Единая Россия») и правительства. Чтобы проверить предложенную нами гипотезу, мы сравним те оппозиционные предвыборные программы, в которых «безопасность» функционирует и не функционирует как ключевое означающее. В качестве примера первых мы возьмем программу, с которой на выборы в городскую думу Нижнего Новгорода 2015 г. вышла партия «Справедливая Россия» [Программа партии «Справедливая Россия»], а в качестве примера вторых — предвыборную программу КПРФ [Программа КПРФ].

Итак, главным объектом критики в предвыборной программе КПРФ становится реставрация капитализма в постсоветской России, охарактеризованная как «путь **соци-**

ального регресса, ведущий к **национальной катастрофе, гибели нашей цивилизации**». Негативная оценка этого общественного строя раскрывается на концептуальном уровне: «Капиталистический способ производства означает **безудержную эксплуатацию человека и ресурсов природы без учёта губительных последствий** для жизни будущих поколений и их среды обитания» [Программа КПРФ]. Фактически все негативные явления и процессы современного мира — хищническое использование и быстрое исчерпание важнейших природных ресурсов, углубление мирового экономического кризиса, локальные войны и постоянная угроза их перерастания в новую мировую войну, техногенные катастрофы, культурный и духовный упадок — имеют в качестве первопричины капитализм как господствующую на планете систему. Высшей и последней стадией капитализма утверждается, как и в начале прошлого века, империализм, который стремится насадить в мире «**эгоизм, насилие, бездуховность и космополитизм**». Согласно предвыборной программе КПРФ, реставрация капитализма в постсоветской России является частью «политики империалистической глобализации», проводимой США и их ближайшими союзниками на постсоветском пространстве и в Восточной Европе.

Неудивительно, что капитализму противопоставляется социализм как прогрессивный строй, который «позволит преодолеть эксплуатацию человека человеком, расточительный характер капиталистического производства и потребления». В предвыборной программе КПРФ отмечается, что «строительство обновленного социализма, социализма XXI века» опирается на «фундамент исторической преемственности» и «самобытной культурной и нравственной традиции», для которой характерны «общинность, коллективизм и патриотизм» [Там же]. На первый взгляд создается впечатление, что в предвыборном дискурсе КПРФ действительно устанавливается непротиворечивая связь между выбранным политическим курсом на социализм и провозглашаемыми базовыми ценностями, составляющими российскую политическую идентичность. Однако представляет ли собой такая концептуализация социализма попытку контрреволюционной артикуляции, которая, с точки зрения постструктуралистской теории Лаклау и Муффа, должна наполнять новым смыслом общие для обеих артикуляций «плавающие» означающие и тем самым составлять альтернативу «реставрации капитализма»?

При первом приближении оказывается, что в предвыборном дискурсе КПРФ «капи-

тализм» и «глобализация» принимают форму не «плавающих» означающих, а радикального «инога», чистого отрицания российского «я»: **эгоизм** противопоставлен **общинности** и **коллективизму**, **космополитизм** — **патриотизму**, **насилие** — идеалам **добра**, **бездуховность** — **традиции**, **эксплуатация** — **справедливости** и **равноправию**. Таким образом, две артикуляции — партии власти и КПРФ — находятся в отношениях антагонизма, когда, с одной стороны, происходит фиксация идентичности как основы субъектности за счет вытеснения альтернативных вариантов артикуляции идентичности, с другой стороны, «в ситуации полной замкнутости структуры и фиксации всех идентичностей царит полное предопределение, которое не оставляет места ни для решения, ни для его субъекта», поскольку именно «принципиальная неразрешимость любой структуры является предпосылкой существования политики как сферы принятия решений» [Морозов 2009: 77]. Неудивительно, что слабость и неубедительность предвыборной программы КПРФ становится особенно очевидной при попытке превратить «стратегические цели партии» в комплекс «первоочередных мер по их реализации».

Каким образом неспособность сформулировать действенную политическую программу связана с функционированием в предвыборном дискурсе КПРФ означающего «безопасность»? Если опираться на концептуальный анализ «безопасности», предложенный Дэвидом Болдвином в 1990-е гг. и рассмотренный нами в начале этой статьи, безопасность предполагает низкую вероятность угроз для референта, который является носителем значимых ценностей. Одновременно с утверждением ценностей безопасность как дискурсивная практика эксплицитует и те угрозы, которым эти ценности подвергаются. Результатом безопасности является определенная иерархия общественных приоритетов и неотложных угроз, а также комплекс первоочередных мер по их устранению. Таким образом, «безопасность» как ключевое означающее дискурса конституирует секьюритизирующего актора (государство, политическую партию) в качестве политического субъекта, наделяя его ответственностью за выживание социально значимого референта и легитимностью. К этому базовому постулату теории речевых актов постструктуралистская теория дискурс-анализа добавляет еще один: «постулирование угроз безопасности сообщества оказывается наиболее удобной формой идеологии „консолидации“, то есть установления отношений эквивалентности между различ-

ными универсальными смыслами и порождения единой, внутренне непротиворечивой идентичности» [Морозов 2009: 227].

Однако данная функция конституирования политической субъектности не реализуется в тексте предвыборной программы КПРФ, поскольку «безопасность» не функционирует в нем в качестве ключевого означающего: в тексте объемом 4452 слова «безопасность» встречается всего 2 раза, а в качестве референтного объекта безопасности указываются то «граждане», то «страна». Неслучайно в отсутствие «безопасности» призывы объединить социально-классовую и национально-освободительную борьбу не могут быть зафиксированы в дискурсе посредством установления «внутренних» отношений эквивалентности между универсальным и национальным, идеологией социализма и российскими ценностями и вытеснения «вовне» угроз самосохранению России и победе труда над капиталом. Вместо этого недопустимость реставрации капитализма в России в 2015 г. утверждается посредством проведения исторической аналогии: «...история вновь поставила народы нашей Родины перед тем же выбором, что и в 1917, и в 1941 годах: либо великая держава и социализм, либо дальнейшее разрушение страны и превращение ее в колонию».

Напротив, в предвыборном дискурсе партии «Справедливая Россия» ключевое означающее «безопасность» непосредственно включается в цепочки эквивалентности и различия. В тексте предвыборной программы партии 45 страниц из 104 посвящены обсуждению проблем социальной и национальной безопасности. Провозглашаемые партией базовые ценности справедливости, свободы и солидарности подтверждаются также и выбором социума в качестве референтного объекта безопасности: индивидуальная свобода невозможна без социальной защищенности и социальной справедливости, которая обеспечивает «распределение благ в соответствии с трудовым вкладом и способностями человека». В свою очередь, идея социальной справедливости «способна пробудить самосознание и достоинство миллионов россиян, объединить их на пути в будущее», т. е. может помочь преодолеть социальную разобщенность на пути к солидарности [Программа партии «Справедливая Россия»: 5—6]. Наконец, солидарность российского социума является залогом сохранения целостности и независимости российского государства.

Действительно, предвыборный дискурс партии «Справедливая Россия» можно концептуализировать как альтернативную, контр-

гегемонистскую артикуляцию по отношению к гегемонистскому дискурсу партии власти. Во-первых, по аналогии с предвыборной программой КПРФ, все ключевые означающие предвыборного дискурса «Справедливой России» «сливаются» в единую позитивную идентичность. При этом каждому «позитивному» ключевому означающему соответствует «негативный» смысл, который приписывается политике партии власти и потому выносится «вовне» в качестве угрозы социальной безопасности. Так, в качестве основных ценностей, составляющих российскую политическую идентичность, указываются «социализм», «демократия», «гражданское общество», «право (на)», «социальное государство», «правовое государство», «справедливость», «солидарность», «социальная безопасность». Соответственно, этим идеалам и ценностям противопоставлены следующие характеристики российской действительности: «коррупция», «произвол чиновников», «социальное неравенство», «социальная разобщенность», «рыночная стихия», «угроза безопасности».

Во-вторых, в противоположность КПРФ, партия «Справедливая Россия» провозглашает курс на новый социализм, и новизна его заключается в необходимости сделать рыночную экономику социально ориентированной, поскольку «рынок ни в коей мере не противоречит социалистическим идеалам». Более того, новый социализм стремится установить цивилизованные рыночные отношения, он «наследует весь предшествующий опыт человеческой цивилизации, в том числе и рыночный опыт с его новейшими технологиями, социальными программами, демократическими правами и свободами» [Программа партии «Справедливая Россия»: 1, 10]. Угрозой социальной безопасности выступает не рынок как таковой, а «рыночная стихия», «неограниченная власть рынка», контроль над которой должен перейти от олигархии к гражданскому обществу и государству. Таким образом, включение в антагонистическую артикуляционную практику «плавающего» означающего «рынок» позволяет сформулировать политико-экономическую стратегию, альтернативную по отношению к курсу партии власти. Возможно, именно этим объясняется тот факт, что на выборах в городскую думу Нижнего Новгорода 13 сентября 2015 г. партия «Справедливая Россия» сумела перехватить инициативу по представлению мнений и интересов «протестного» электората у КПРФ.

На основе проведенного исследования мы можем сделать следующие выводы.

Теория постструктуралистского дискурс-анализа позволяет критически переосмыслить безопасность и концептуализировать ее как дискурсивную практику, которая утверждает и конституирует то политическое сообщество, от имени которого она артикулируется. Именно включение «плавающего» означающего «безопасность» позволяет «замкнуть» цепочку ключевых смыслов и актуализировать базовые, составляющие основу политической идентичности ценности через проведение границы между «внутренним» миром и «внешним» пространством хаоса и угроз. В то же время, как показывает проведенный анализ предвыборного дискурса российских политических партий, успешная секьюритизация общественно значимых ценностей имеет место в ситуации гегемонии, когда границы между «я» и «другим» не зафиксированы полностью и не исключают наличия «плавающих» означающих, которые необходимо вписать в цепочки эквивалентности и наполнить смыслом. Таким образом, в рамках постструктуралистской теории дискурс-анализа ставится вопрос об ответственности субъекта — секьюритизирующего актора — за выбор смыслов, то есть за то, будет ли дискурс двигаться в сторону большей агрессивности или большей толерантности.

ИСТОЧНИКИ

1. Программа партии «Справедливая Россия». М., 2015. URL: http://www.spravedlivo.ru/1_13.html (дата обращения: 14.11.2015).
2. Программа КПРФ. 2015. URL: <http://kprf.ru/party/program> (дата обращения: 09.11.2015).

ЛИТЕРАТУРА

3. Морозов В. Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. — М.: Новое литературное обозрение, 2009.
4. Остин Дж. Л. Слово как действие / пер. с англ. А. А. Медниковой; под общ. ред. Б. Ю. Городецкого // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 22—130.
5. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / пер. с англ. А. А. Медниковой; под общ. ред. Б. Ю. Городецкого // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170—195.
6. Baldwin D. The Concept of Security // Review of International Studies. 1997. Vol. 23.
7. Buzan B., Hansen L. The Evolution of International Security Studies. — Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 2009.
8. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. — Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 2003.
9. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. — London: Lynne Rienner, 1998.
10. Cox R. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory // Neorealism and Its Critics / ed. by R. Keohane. — New York: Columbia Univ. Pr., 1986. P. 204—254.
11. Gregory D. Foreword / ed. by J. Der Derian and M. J. Shapiro // International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics. — New York: Lexington Books, 1989. P. XIII—XXI.
12. Hansen L. Security as Practice. Discourse Analysis and the Bosnian War. — London; New York: Routledge, 2006.
13. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. — London: Verso, 1985.

14. McSweeney B. Identity and Security: Buzan and the Copenhagen School // International Security / ed. by B. Buzan, L. Hansen. — London: SAGE, 2007. Vol. 3 : Widening Security. P. 121—134.

15. Shapiro M. J. Textualizing Global Politics / ed. by J. Der Derian and M. J. Shapiro // International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics. — New York : Lexington Books, 1989. P. 11—23.

16. Stritzel H. Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond // European Journal of International Relations. 2007. Vol. 13, no. 3.

17. Torfing J. Discourse Theory: Achievements, Arguments, and Challenges // Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance / ed. by D. Howarth, J. Torfing. — Houndmills ; New York : Palgrave Macmillan, 2005. P. 1—32.

18. Wæver O. Identity, communities and foreign policy: discourse analysis as foreign policy theory // European Integration and National Identity / ed. by L.Hansen, O. Wæver. — London : Routledge, 2002. P. 20—49.

19. Wæver O. Securitization and Desecuritization // International Security / ed. by B. Buzan, L. Hansen. — London : SAGE, 2007. Vol. 3 : Widening Security. P. 66—98.

N. N. Morozova
Nizhny Novgorod, Russia

**SECURITY AS A SPEECH ACT AND DISCURSIVE PRACTICE:
ON THE QUESTION OF CONSTRUCTING POLITICAL IDENTITY**

ABSTRACT. *The article makes an attempt to give a new interpretation to the notion of “security” from the position of the theory of speech acts and the theory of discourse analysis. The theory of post-structuralist discourse analysis allows critical rethinking of security and conceptualizing it as a discursive practice which proclaims and constitutes the political society on behalf of which it is articulated. It is the inclusion of “flexible” lexemes of “security” that makes it possible to “connect” the chain of key meanings and actualize basic constituent political identity values through differentiating the “interior” world and the “exterior” space of chaos and menace. At the same time, the undertaken analysis of pre-election discourse of Russian political parties and successful securitization of socially significant values takes place in conditions of hegemony when the boundaries between “me” and “alien person” have not been fully fixed and do not exclude the presence of “flexible” lexemes which must be included in the chains of equivalence and filled with sense. So the post-structural theory of discourse analysis raises the question about the responsibility of the subject – securitizing actor – for the choice of meanings, in other words, for the direction of discourse development – to greater aggressiveness or higher tolerance. The article considers the textual interpretation of securitization (socially produced speech act which empowers politicians with legitimacy and the right to take urgent measures to neutralize the existing menaces in circumvention of the rules or contrary to the law) and the contextual interpretation (taking into account the specificity of the menace).*

KEYWORDS: security; speech act; discursive practice; political identity; tolerance.

ABOUT THE AUTHOR: Morozova Natalia Nikolaevna, Associate Professor of Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Faculty of the Humanities, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia.

REFERENCES

1. Programma partii «Spravedlivaya Rossiya». M., 2015. URL: http://www.spravedlivo.ru/1_13.html (data obrashcheniya: 14.11.2015).

2. Programma KPRF. 2015. URL: <http://kprf.ru/party/program> (data obrashcheniya: 09.11.2015).

3. Morozov V. E. Rossiya i Drugie: identichnost' i granitsy politicheskogo soobshchestva. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.

4. Ostin Dzh. L. Slovo kak deystvie / per. s angl. A. A. Mednikovoy ; pod obshch. red. B. Yu. Gorodetskogo // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — M. : Progress, 1986. Vyp. 17. S. 22—130.

5. Serl' Dzh. R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov / per. s angl. A. A. Mednikovoy ; pod obshch. red. B. Yu. Gorodetskogo // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — M. : Progress, 1986. Vyp. 17. S. 170—195.

6. Baldwin D. The Concept of Security // Review of International Studies. 1997. Vol. 23.

7. Buzan B., Hansen L. The Evolution of International Security Studies. — Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 2009.

8. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2003.

9. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. — London : Lynne Rienner, 1998.

10. Cox R. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory // Neorealism and Its Critics / ed. by R. Keohane. — New York : Columbia Univ. Pr., 1986. P. 204—254.

11. Gregory D. Foreword / ed. by J. Der Derian and M. J. Shapiro // International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics. — New York : Lexington Books, 1989. P. XIII—XXI.

12. Hansen L. Security as Practice. Discourse Analysis and the Bosnian War. — London ; New York : Routledge, 2006.

13. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. — London : Verso, 1985.

14. McSweeney B. Identity and Security: Buzan and the Copenhagen School // International Security / ed. by B. Buzan, L. Hansen. — London: SAGE, 2007. Vol. 3 : Widening Security. P. 121—134.

15. Shapiro M. J. Textualizing Global Politics / ed. by J. Der Derian and M. J. Shapiro // International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics. — New York : Lexington Books, 1989. P. 11—23.

16. Stritzel H. Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond // European Journal of International Relations. 2007. Vol. 13, no. 3.

17. Torfing J. Discourse Theory: Achievements, Arguments, and Challenges // Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance / ed. by D. Howarth, J. Torfing. — Houndmills ; New York : Palgrave Macmillan, 2005. P. 1—32.

18. Wæver O. Identity, communities and foreign policy: discourse analysis as foreign policy theory // European Integration and National Identity / ed. by L.Hansen, O. Wæver. — London : Routledge, 2002. P. 20—49.

19. Wæver O. Securitization and Desecuritization // International Security / ed. by B. Buzan, L. Hansen. — London : SAGE, 2007. Vol. 3 : Widening Security. P. 66—98.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. В. Романова.